

Глава V. На каторге

Суд по делу гуляйпольской анархистской группы состоялся в марте 1910 года в Екатеринославе. Здание суда было окружено множеством жандармов и солдат, так боялись, несмотря на всемерные предосторожности, вооруженного нападения Александра Семенюты, и его товарищей, чтобы освободить Махно и других заключенных. Охрана получила приказ при малейшей атаке извне убить обвиняемых на месте.

Один местный начальник, посетив обвиняемых в тюрьме, настоял на том, чтобы его представили Махно и, рассмотрев его, потом заявил начальнику охраны: «Внешне этот Махно выглядит безобидным... Однако, говорят, что он очень опасен...».

После пяти дней процесса, 26 марта 1910 года, вынесли приговор: Мартынова, Лисовский, Заблудский осуждены к шести годам каторжных работ; Кириченко, Егор Бондаренко, Орлов, Альтхаузен и Махно были осуждены вначале – за создание преступной организации к пятнадцати годам каторжных работ, а затем – к смертной казни через повешение за террористические акты и «экспроприации».

Адвокат предложил осужденным подписать прошение о помиловании. Все, кроме Альтхаузена, презрительно отказались. Махно заявил своему защитнику: «Мы не намереваемся ничего просить у этого мерзавца царя... Эти сволочи нас осудили на смерть, пусть они нас и повесят!»

Нестора с товарищами перевели в специальную камеру для смертников. Ее стены, покрытые надписями тех, кто томился до них в этом преддверии смерти, вдохновили Махно на несколько патетических строк в воспоминаниях:

Попав в подобную камеру, чувствуешь себя уже одной ногой в могиле. Такое ощущение, что судорожно удерживаешься на поверхности земли только кончиками пальцев. Думаешь тогда о всех тех, кто еще на свободе сохраняет веру и надежду, рассчитывает сделать еще что-то хорошее и полезное для борьбы за лучшую жизнь.

Принеся себя в жертву этому будущему, чувствуешь особую пронзительную боль, глубокую и очень искреннюю, к товарищам по борьбе. Они кажутся такими близкими, такими дорогими! Желаете им от всего сердца сохранить до конца веру и надежду, нести до последнего любовь к угнетенным, ненависть к угнетателям...

У всех двенадцати осужденных в камере оставалась одна-единственная забота – навязчивая мысль о близкой казни, и они стараются мужественно готовиться к ней.

Егор Бондаренко, один из самых близких товарищей, предсказал Махно самое активное революционное будущее:

Послушай, Нестор! У тебя есть шанс, что казнь заменят на каторжные работы. Потом наступит революция и освободит тебя. Я убежден, что, вернувшись на свободу, ты поднимешь черный флаг Анархии, который у нас вырвали наши враги... Ты у них его отнимешь и подымеешь его гордо и высоко... Я предчувствую это, я видел тебя в деле, ты не дрожишь перед палачами.

Бондаренко хотел, чтобы Махно пообещал взять на себя эту ответственность. Но Нестор при поддержке двух других товарищей, Орлова и Кириченко, заметил, что он, с одной стороны, слишком слаб физически, а с другой, не обладает достаточным умом. Бондаренко ответил: чтобы сохранить веру и внутреннюю силу, вовсе не нужна большая физическая сила или исключительные умственные способности, достаточно показать большую волю и глубокую преданность делу.

Однажды ночью, когда пришли за Кириченко и Бондаренко, чтобы их повесить, первый из них покончил с собой, проглотив стрихнин, второй, прежде чем пойти к палачу, понимая, что Махно избежит виселицы, кратко с ним попрощался: «Нестор, брат мой, ты останешься жить... Я умру, не проявив слабости... Я знаю, что ты выйдешь на свободу». Они по-братски обнялись, и Егор Бондаренко направился твердым шагом к своим палачам: его предсмертное предсказание еще более укрепило в Махно, если в этом была потребность, волю и решительность, необходимые для того, чтобы сдержать обещание.

После пятидесяти двух дней тяжкого ожидания Махно действительно узнал, что ему и его товарищу Орлову казнь заменена пожизненными каторжными работами³³¹ из-за их юного возраста в момент осуществления преступлений. Возможно сыграло роль его непоколебимое поведение на протяжении всего следствия, во время которого Нестор систематически отрицал все выдвинутые против него обвинения.

Вследствие пережитого Махно, физически ослабевший, заболел тифом. Он провел два месяца в тюремной больнице, оставаясь в обмороке на протяжении многих дней. Врачи поставили на нем крест и перевели его в палату для умирающих. Ему удалось выкарабкаться из этого положения, и он нашел даже силы, чтобы протестовать против проводимого врачами лечения. Уточним, что в то время в тюрьме и на каторге, каждый считавшийся опасным заключенный носил на руках и на ногах кандалы в принципе днем и ночью, и некоторые заключенные, специалисты в искусстве взламывания замков, помогали своим сокамерникам от них на время избавиться. Ему пришлось носить эти цепи на протяжении всего заключения, то есть более восьми лет, так что после освобождения ему понадобилось некоторое время, чтобы заново научиться ходить нормально, не теряя равновесия!

Махно был переведен затем в Луганскую тюрьму, где он провел в заключении около года, в крайне суровых условиях; некоторые не выдерживали и кончали самоубийством, другим удавалось выдержать только благодаря надежде на побег или на близкую революцию, которая освободила бы их. К нему на свидание приезжали мать и брат Григорий, от них Нестор узнал о смерти Александра Семенюты.

Его снова вернули в Екатеринослав и после пребывания на протяжении пяти с половиной месяцев в Екатеринославской тюрьме, 2 августа 1911 г. его отправили в московскую тюрьму, печально известные Бутырки. Посмотрев его дело, начальник отделения каторжников многообещающе заметил: «Здесь ты больше не будешь баловаться побегом!», намекая на все провалившиеся попытки, задуманные с сокамерниками в предыдущих тюрьмах. Для подкрепления этой угрозы с него сняли наручники и заковали в цепи, потом его отправили на неделю в карантин. Только затем он познакомился со своим новым жильем.

В этой каторжной тюрьме было собрано большинство политических заключенных разных направлений, считавшихся самыми опасными или важными – всего около трех тысяч узников, за которыми присматривали несколько сот тюремщиков или «двуногих псов», как их называл Махно. Однако, настоящей удачей для него было наличие исключительной коллективной библиотеки, собранной каторжниками. Благодаря ей, он смог пополнить свои знания по истории и литературе; он проглатывал все жадностью: учебник русской истории Ключевского, произведения Белинского, Лермонтова и даже Льва Шестова. Он знакомится также с основными документами и программами различных революционных групп – эсеров, социал-демократов и разных течений в них. Он читает также анархистскую литературу, книгу Кропоткина «Взаимная помощь» он полюбил с первого взгляда и больше с ней не расставался.

Спротивление издевательствам со стороны надзирателей стоило Нестору долгих пребываний в карцере, и он заболел острой пневмонией. Его госпитализировали, а через три месяца диагностировали туберкулез легких. Он провел восемь месяцев в больнице и, благодаря хорошо организованной помощи политическим узникам, ему удалось поправиться; однако на протяжении всего заключения с этих пор его помещают на два-три месяца в год в больницу.

Именно там, в Бутырках, Махно встретил известного анархистского активиста Пет-ра Аршинова (Марина), с которым его связала крепкая дружба, длившаяся более двадцати лет. Он заметил, между прочим, разницу в отношении со стороны администрации к интеллектуальным и политическим «знаменитостям», с одной стороны, и к простым рабочим и крестьянам, с другой, и, одновременно, отношение первых ко вторым. Тогда как простых рабочих и крестьян часто били, интеллигенты охотно пожимали руку виновникам такого плохого обращения, также они без труда получали привилегию не носить постоянно кандалы, работали в более легких и интересных мастерских и, что особенно важно – держали в своих руках контроль над внутренним управлением заключенных; это означало, что вся внешняя помощь проходила через их руки и они ее распределяли по своему усмотрению. Махно, таким образом, окончательно понял, что «такова психология интеллигентов, которые ищут в социалистической идее и в участии в борьбе только средство, чтобы утвердиться как хозяева и руководители. Эти господа доходят до того, что больше не понимают, что недопустимо пожимать руку, делать подарки, предметами и деньгами, палачам, которые, положив подарок в карман, уходят, чтобы избивать товарищей по идее, тех, кто их только что дружески приветствовал». Так что Махно с тех пор не питал никакого уважения к «выдающимся политическим личностям», какой бы ориентации они ни были, и начал ставить под сомнение их роль.

Шли годы, наполненные неосуществленными планами бегства, долгими и пылки-ми политическими дискуссиями и обильным чтением. В этом закрытом сосуде темпера-мент Нестора разгорелся, он строил фантастические планы борьбы против государства. Так, в 1912 году он пишет свое первое произведение – революционный стих, страстный и пламенный, призывающий эксплуатируемых к бунту против эксплуататоров, против властей, против всех угнетателей.

Призыв

*Восстанемте, братья, и с нами народ,
Под знаменем черным восстанет вперед.
И смело под пулями ринемся в бой:
За веру в коммуну, как верный наш строй.
Разрушим все троны и власть капитала,
Сорвем все порфиры с золотого металла.
Не станем мы чтить, а кровавой борьбой*

*Зачем нам власть и все их законы –
Мы долго страдали под гнетом цепей,
В петле и по тюрьмам, в руках палачей.
Время восстать и сплотиться в ряды:
Под черное знамя великой борьбы!
Довольно служить нам тиранам машиной,
Ведь все это служит великой им силой.
Восстанем же, братья, рабочий народ:
И всех их сотрем мы, как хищников род.
Ответим тиранам за ложный их строй.
Мы вольные рабочие, мы воли полны.
Да здравствует Свобода, братья, коммуны!
Смерть всем тиранам тюрьмы.
Восстанем же, братья, под звуки сигналов,
Под знаменем черным на всех их тиранов.
Разрушим же власти и подлый их строй,
Который толкает в кровавый нас бой!³⁴²*

Этот проникновенный призыв к восстанию хорошо отражает непокорный характер Махно в возрасте двадцати трех лет, характер, который не изменится и в будущем. Тюрьма, жестокое обращение, каторга – ничто не смогло сломить раскаленную добела волю молодого революционера. Он утвердился в своих убеждениях, вспоминал рассказы матери, запомнившиеся с детства о былой жизни свободных общин запорожских казаков. Он не подозревал еще, что «вскоре наступит день, когда он почувствует себя их прямым потомком и будет вдохновляться этим, чтобы вложить свой вклад в свободное возрождение своей страны».

Хотя Махно оставался противником всякого национального сепаратизма, он интересовался идеями своих украинских соотечественников. Война 1914 года разделила узников на два

